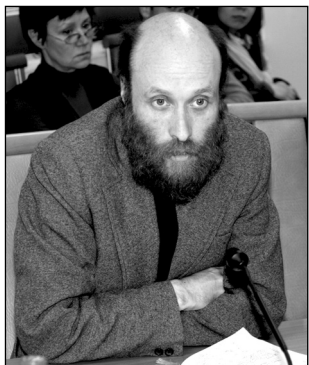

Необходима рациональная система социальных и идейных координат, не отрицающая реальность

А.В. Шубин,
доктор исторических наук

Уважаемые коллеги! Я должен сказать, что сначала с большим интересом и доброжелательностью отнесся к представленному докладу. Само создание макротеорий — дело полезное. Важно выстроить систему координат, которая не все объясняет, но соотносится со всем. Иначе знание распадается в пост-модернистском хаосе, чуждом науке.

Наука не боится и отсутствия консенсуса, о котором говорил докладчик. Если понятия четко определены участниками дискуссии — они могут быть легко переведены на другой терминологический язык. Важно, чтобы в них не было двойных стандартов, публицистической неясности. Жизнь противоречива и текуча, но инструментарий должен быть жестким и ясным.

Чтобы попытка создания макроконцепции оказалась удачной, необходимы вот эта четкость терминов, внутренняя логичность и отсутствие явных противоречий с известным фактическим материалом, в данном случае — историческим.

Обсуждение показало, что с терминологией у докладчика дело обстоит очень плохо. Константы здесь не константны, а какая-то туманность. Если это так, то в основе теории — болото. Просто здесь нужно как-то помочь докладчику осушить это болото.

Возьмем «народ». Его постоянство определяется через «славянское ядро». Какая же это константа?! Это ядро и сначала-то не очень прослеживается во времена Киевской

Руси с ее отчасти финским, отчасти азиатским по происхождению населением и уж совсем этнически перемешанной элитой. Очевидно, что православный грек, организующий РПЦ, находится в ядре, а славянский, еще языческий крестьянин — уже на периферии системы.

Народ — этнос с миссией. Миссия — константа? Да ничуть. Вот, А. Дугин формулировал, формулировал здесь нашу национальную миссию, да так и не выформулировал. Прозвучало слово «Бог». Тогда при чем здесь Советский Союз? СССР — проект гуманистический. Это не комплимент и не критика, это другой проект, не ради Бога творимый. Советская миссия похожа на «проект» Ивана Грозного, это сходство увлекало еще Бердяева. И что? А при Петре — уже другая «миссия». А в XIX в. — третья. Я уж не говорю о том, что советский проект времен Хрущева с Иваном Грозным уже почти ничего общего не имеет. Это переменные.

Воистину, китайцы, которым А. Дугин без всяких оснований отказал в звании народа, имеют более константную миссию — например, как хранители культуры под небесами («Поднебесная», противостоящая «варварам»). Есть у них и другие миссии. Мессианство перемененно не только содержательно, но и количественно.

Проверим теорию А. Дугина простым вопросом: в какой стране население было в большей степени охвачено мессианством в конце 60-х гг. — в «застойном» СССР или маоистском Китае? Ответ очевиден и просто «убивает» представленные здесь построения Александра Гельевича.

Плохо дело здесь с константами. Более того, этот «народ», у которого ядро переменное и миссия тоже переменная, порождает государство, хотя мы знаем, что государство возникло действительно раньше, потом, правда, менялось.

Цивилизация у А. Дугина — тоже понятие очень размытое (даже странно как-то для философа — такая небрежная неопределенность в терминах). В общем, попытки ее определить свелись к культуре. Вот здесь, я думаю, спасение и есть.

Действительно, исторический процесс развивается по определенным стадиям, отсюда вытекают переменные. Стадии эти общие со многими странами, а константа — это культурный путь.

Культура как комплекс результатов моделирующей деятельности — накапливается, в основе своей сохраняется и дополняется. Если мы имеем культурный комплекс, базирующийся на определенном населении, то можем найти, пожалуй, только одно, что все время красной нитью проходит через историю народа, хотя тоже эволюционирует — это язык. Не знаю, как у А. Дугина, но в наших построениях константа — это данная культура, носителем которой является язык.

Александр Гельевич в докладе походя пнул Маркса. Я и сам не марксист, но должен признать, что у марксистской традиции лучше получалось разбираться со стадиями, с «переменными», чем в представленной версии истории. Все-таки марксисты, пусть и небезупречно с позиций современного знания, но более уважительно относились к историческому материалу, к реальности, вытекающей из исторических источников.

Докладчик предстал перед нами не как ученый, а как конструктор идеологии и политический боец. Это противопоставление вообще-то не обязательно. Ученый может быть и идеологом, и участником политического процесса. Это само по себе не зазорно. Но возможны два способа отношения науки и идеологии. Первый — рациональный: идеология вытекает из данных науки, не противоречит им, предлагает обществу рационально обоснованную стратегию. Принимая такую идеологию, общество является зрячим. Возможен и даже более распространен противоположный путь: идеология формируется на основе мифов, т. е. конструкций, отталкивающих и игнорирующих рациональную критику, выбирающих только тот фактический материал, который «ложится» в пользу мифа. Впрочем, серьезного ученого мож-

но заставить следовать мифу только насильственно, поэтому наука просто выключается из процесса, и мифотворцы замыкаются напрямую на СМИ.

А. Дугин исходил из своего мифа истории, пытаясь представить его как некую научную концепцию. Но для этого он должен был все-таки как-то соотнестись с историческим знанием. Если логическая критика представленной концепции показала, что здание строится на болоте, то историческая критика оставляет и от здания один пепел. Пепел на болоте.

Что это за «тотальное» общество до Петра? Что это за жестко-сословное общество, за которым сразу идет советское? Это Российская империя с ее разлагающимся традиционным обществом, разночинцами, бурным развитием капитализма? Ну, несерьезно просто... А что это за СССР с «еврейской элитой». Какой-то пещерный уровень представления о советской истории, право слово. Этнические евреи были сильны в элите СССР на протяжении... трех лет его истории — в 1923–1925 гг. После чего московские остроумцы говорили: «Раньше в Кремле пахло чесноком, а теперь — шашлыком».

Александр Гельевич выхватывает из реальности некоторые факты, которые ему нравятся, и игнорирует целые этапы истории нашей страны. Это — типичное строительство мифов. А когда мы сообщаем докладчику о целых пластах фактического материала, которые в его конструкцию не лезут, он наносит «асимметричный удар»: фактов нет, реальности нет. Ему после этого остается только раствориться в пространстве. А если пространства тоже нет — то хотя бы в евразийском пространстве. Уж оно-то, по Дугину, точно есть.

Я понимаю, когда студент, уличенный в незнании фактов, прибегает к постмодернистским спекуляциям. Мол, фактов нет, и все мнения равно верны. Но когда с постмодернистских позиций выступает сторонник «почвы», «констант», тут что-то важное не вяжется.

Вот и настала пора ответить на вопрос С. Кара-Мурзы: «полезная» ли это теория? То, что теория не научная, я с

Кара-Мурзой согласен. А вот что «полезная» — смотря кому. Александр Гельевич очень интересно нам тут рассказывал, как его поучал Бжезинский. Мол, после распада СССР сопротивление мировому центру силы стало такое слабое, что приходится играть за противника. Двигать фигурками, которые как играют бы против. Иначе игра быстро закончится.

Почему-то (впрочем, понятно почему) А. Дугин считает, что В. Путин противостоит этой коварной игре. Хотя, как мне кажется, образ Бжезинского хорошо подходит к таким внешнеполитическим шагам, как вывод баз и российских вооруженных сил с Кубы, из Вьетнама, с Балкан (включая Косово, куда их ввел не кто-нибудь, а Ельцин, а вот Путин вывел).

Наш автор претендует — и не без оснований — на то, чтобы окормлять патриотический идейный спектр в борьбе смыслов. И он же является проводником постмодернистского отрицания реальности, мифотворчества, облегчающего манипулирование сознанием. То есть, в борьбе смыслов А. Дугин — проводник именно глобального постмодернистского манипулирования.

Неудивительно, что если применить инструментарий докладчика к анализу ситуации в 2015 г. (к чему нас призывал ведущий), то получается просто какой-то Будда: «и ты прав, и ты прав, и ты прав». Константы — прорастут? Прорастут, но только не те, которые назывались, а настоящие прорастут. Переменные — победят? Победят, потому что форма в любом случае переменна. А бой — дадут? И бой дадут. Причем каждый будет считать себя константой, а других — переменными. И чтобы разобраться в этом, нам нужна все-таки рациональная система социальных и идейных координат, не отрицающая реальность.